

УДК 902(470.5)-051(045)

Р.Д. Голдина**ОБ АНДРЕЕ МИХАЙЛОВИЧЕ БЕЛАВИНЕ**

Удмуртский государственный университет, Ижевск, РФ

В работе изложены некоторые обстоятельства жизни основателя и руководителя научной школы археологов Пермского государственного педагогического университета, проректора по научной работе и внешним связям этого университета, зав. отделом истории, археологии и этнографии Пермского научного центра УрО РАН, доктора исторических наук, профессора Андрея Михайловича Белавина.

Ключевые слова: археология Урала, пермская научная школа, Андрей Михайлович Белавин.

R.D. Goldina**ABOUT ANDREY MIKHAILOVICH BELAVIN**

Udmurt State University, Izhevsk, RF

The work outlines some of the circumstances of the life of the founder and head of the scientific school of archaeologists of the Perm State Pedagogical University, professor, pro-rector for scientific work and external relations of this university, Department of History, Archeology and Ethnography of the Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor Andrey Mikhailovich Belavin.

Key words: archeology of the Urals, Perm scientific school, Andrei Mikhailovich Belavin.

В моей жизни было много случаев, оправдывающих расхожее выражение «мир тесен», когда дорогие мне люди: мои друзья, ученики, коллеги бывали или даже жили в местах, в которых удавалось побывать или жить мне.

Например, в годы работы в Свердловске (1961–1972 гг.) мне пришлось идти в разведку через с. Армизон – большое село на юге огромной Тюменской области, где родился и провел свои детские годы мой ученик, коллега и друг Владимир Алексеевич Кананин. Если б я знала это, я бы, конечно, постаралась повнимательнее рассмотреть это село, а так – знакомство было весьма поверхностным – мы зашли в магазин, закупили кое-что из продуктов и отправились дальше. Подобным образом, тоже в разведке, я оказалась в одном из районных центров Тюменского края с. Викулово, где мы были вынуждены со своей группой провести несколько дней, проклиная сибирские дожди, в ожидании летной погоды. Именно в эти годы там жила летом у своей бабушки одна из моих обожаемых учениц Лещинская (Ярославцева) Надежда Анатольевна. Может быть, мы и встречались с ней где-то в магазине или, гуляя по дощатым тротуарам этого большого села, но кто же знал, что эта тогда еще маленькая девчонка – будущий уральский археолог.

Я видела и с. Абатское Тюменской области, когда мы приехали с большой группой, руководимой Владимиром Федоровичем Генингом и Мариной Глебов-

ной Мошковой на раскопки Абатских курганов. У меня сохранилась даже фотография, как вся наша большая команда укладывалась на ночлег под открытым небом на каком-то дощатом настиле посередине села. А именно в Абатском выросла и окончила школу всемирно известная уральская археологиня Людмила Николаевна Корякова (Зматракова).

Еще более интересный сюжет обозначился с Андреем Михайловичем Белавиным, который, оказывается, с 1966 г. каждое лето своего детства и юности (как минимум 2 месяца ежегодно) жил в моем родном селе Большая Соснова на юге Пермского края. В это время я еще училась в школе, закончила ее в 1958 г. и поступила в Пермский государственный университет, но тяжело привыкала к городу, и при малейшей возможности стремилась в родной дом.

Андрей Белавин приезжал в Б. Соснову к своей тете – Нине Владимировне Карушевой (Косолаповой), бывшей замужем за Николаем Васильевичем Карушевым (рис. 1). Мои родители – Вотинцевы Дмитрий Евдокимович и Нина Павловна были дружны с этой семьей; они неоднократно бывали у нас в гостях и наоборот. Я помню их очень хорошо. Дело в том, что Николай Васильевич и мой отец – Дмитрий Евдокимович вместе работали. В 1956 г. мой отец был командирован председателем весьма отстающего колхоза им. И.В. Сталина в село Б. Соснова. Это было движение так называемых 30-тысячников. Для подъема сельского хозяйства 30 000 коммунистов были одновременно направлены в отстающие колхозы. Поскольку, видимо, дела у отца пошли неплохо, в 1958 г. колхоз был, как тогда говорили, «укрупнен» – в него вошли 16 окрестных деревень и 13 бригад, он был переименован в колхоз «Россия», а в 1965 г. преобразован в совхоз. Мой отец был его директором, а Н.В. Карушев – главным агрономом [5, с. 247]. В этом же совхозе работал инженером-механиком друг Н.В. Карушева – Пальянов Михаил Павлович, женатый на моей двоюродной сестре Вотинцевой Нине Павловне. Их семьи всегда дружили и позднее волею судьбы оказались вместе в с. Черновском, куда и сейчас навещается Андрей Белавин со своей семьей.

Н.В. Карушев был удивительно добрый, внимательный, умный человек, специалист высокого класса, агроном-новатор. Он проводил эксперименты с удобрениями, засевая делянки различными сельскохозяйственными травами, и проверяя действие этих удобрений. Н.В. Карушев был всесторонне образованным человеком, любил книги, путешествия, имел феноменальную память, всячески поощрял интересы своих детей. Всей семьей они ходили кататься на лыжах, в доме всегда было не меньше 5 пар лыж. Его доброту и внимание к людям я ощутила на себе. Однажды мне надо было уехать в Большую Соснову. Пришла в Перми на автовокзал, а билетов нет. Стою в растерянности. Почему-то у меня не оказалось никого, у кого можно было бы переночевать. Заходит Н.В. Карушев, поздоровалась. Он тогда работал в Перми заместителем начальника областного управления сельского хозяйства. Он спрашивает: «Ты Вотинцева?». Отвечаю: «Да». Он говорит: «Сейчас купим билет на завтра и пойдем к нам, переночуешь,

а завтра уедешь». Мы так и сделали. Я была совершенно потрясена его великодушием.

Н.В. Карушев – человек непростой судьбы. Он родился в 1925 г. в д. Верхняя Потьма Архангельской области. В 1943 г. был призван в армию, воевал, участвовал в Курском сражении, награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией», за труд после войны – орденом Трудового Красного Знамени. Умер в 2011 г. в с. Черновское. Он удачно женился на Нине Владимировне Косолаповой, тоже агрономе по образованию, в Б. Соснове она работала зав. химической лабораторией отдела сельского хозяйства Большесосновского райисполкома. Среднего роста, худощавая, красивая, с тонкими чертами лица. Женщина нестандартная: прекрасно управлялась как с домашним хозяйством – коровой и другой скотиной, детьми, так и с мотоциклом. Андрей Белавин до сих пор вспоминает ее шаньги и пирожки. Не знаю, училась ли она где-то искусству рисования, но была натурой художественной – писала картины маслом. Одну из ее работ, выполненных вполне профессионально, я видела в доме Пальяновых, у моей двоюродной сестры. Это был подарок на день рождения М.П. Пальянову. В этой семье выросли двое детей – старшая Лариса и младший Владимир. Владимир и сейчас живет в с. Черновском, вырастил 4 детей: трех сыновей – Сергея, Геннадия и Николая и дочь Анну. Именно с ним и другими детьми клана Косолаповых и провел часть своего детства Андрей Белавин.

Дом Карушевых был для всех сестер Косолаповых и их детей гостеприимным помещением. Он стоял на высоком берегу р. Сосновки, откуда открывался роскошный вид на окрестности. Эти летние встречи наследников Косолаповых остались в воспоминаниях как праздник лета – речка, рыбалка, раки, горячие «постряпушки», беготня и мелкие шалости целый день. В подростковом возрасте Андрей освоил всю возможную двигающуюся технику: велосипед, мотоцикл, машину «Запорожец». Возил на ней домашних за ягодами и грибами, а иногда просто с Володией Карушевым гонял по деревне, окрестным полям и рощам (без прав, конечно). Семья была веселая и юморная. Однажды мальчики собирались на рыбалку. Нина Владимировна, устав утром их поднимать, ушла на работу, а чтобы напомнить им об упущенной выгоде, повесила на веревочке над кроватями соленые килечки.

Клан Косолаповых состоял из пяти сестер и брата. Судя по тому, что они всю жизнь держались вместе, это была очень дружная семья. Кроме Белавиных, у Карушевых в Б. Соснове бывала и семья Романовских. За Романовского вышла третья сестра – Вера (рис. 2). В юности она работала в Б. Соснове метеорологом, выйдя замуж, уехала в Пермь, у них выросла дочь – Лена. Как и многие в этой семье, Виктор Романовский был связан с обороной – работал в Доме правительства в Перми, занимаясь проблемами оборонной промышленности.

Отец сестер Косолаповых, дед Андрея Белавина – Владимир Васильевич Косолапов – был железнодорожником, работал в УКСе Пермской (еще тогда не

Пермской, а Свердловской) железной дороги. Писаной красавицей была его жена, бабушка Андрея – Серафима Петровна (рис. 3). Его второй дед – Василий Александрович Белавин – был учителем истории. Его жена – бабушка Андрея, Александра Александровна Белавина, учитель начальной школы, Заслуженный учитель РСФСР, подарила Андрею на 10-летний день рождения увлекательную книгу В. Берестова «Государыня пустыня». Это был первый толчок в будущее романтика-археолога. Потом последовали еще стихи и рассказы В. Берестова «Меч в золотых ножнах» и др., книги Г. Федорова, А. Никитина. Бабушка во многом способствовала тому, что в 1975 г. Андрей поступил на исторический факультет ПГУ. Этот факультет (тогда историко-филологический) закончила и мама Андрея Белавина – Валентина Владимировна Косолапова (рис. 4). Так что А.М. Белавин – историк в третьем поколении.

Не случайно, что в 14 лет (7-й класс школы) Андрей нарисовал сам себе первый Открытый лист. Правда, он хотел стать геологом – увлекала романтика геологоразведки. Но потом сформировался устойчивый интерес к археологии. Челябинская область – часть «яшмового пояса», и найти интересные камни было просто, а кристаллы пирита в детстве воспринимались, как золото. На берегу оз. Синара на пляже он с приятелем (тот также стал историком) находили ножевидные пластины, скребки и нуклеусы из яшмы – там была мезолитическая стоянка, а на другом мысу, где стояли лодки, друзья находили керамику – здесь располагалось городище иткульской культуры. Так что живая археология валялась буквально под ногами.

Андрей Белавин родился 5 июля 1958 г. в Перми (рис. 5), но в 1960 г. семья переехала в Челябинск-70, современный Снежинск – один из закрытых научных городов Минатома. Среди его жителей концентрация ученых на 100 человек населения много выше, чем в Москве. Только в подъезде их стандартной пятиэтажки жило 3 кандидата наук и 2 лауреата Государственных премий СССР, а в гости к ним по праздникам приходили академики.

Отец А. Белавина был известным в России физиком-ядерщиком (рис. 4). Чтобы не сделать каких-либо ошибок при вольном изложении его биографии, привожу официальную справку о его жизнедеятельности. Белавин Михаил Васильевич (28.03.1929, г. Кунгур ныне Пермского края – 23.08.1999, Снежинск), инженер, специалист в области радиотехники и электроники, лауреат Гос. премии СССР (1980, за разработку и внедрение унифицир. системы автоматики подрыва ядерных зарядов). В 1948–1950 гг. учился на физико-матем. ф-те Пермского гос. ун-та; некоторое время был студентом Ленингр. Политехн. ин-та; окончил УрГУ по специальности «инженер-физик» (1967). В 1954 г. по путевке Ж.-д. райкома ВЛКСМ Перми направлен в органы КГБ при Сов. Мин. СССР, где возглавил радиотехн. лабораторию в Свердловске. Занимался разработкой новых методов измерения радиотехн. величин; предложил новые рациональные решения по улучшению качеств показателей аппаратуры спец. назначения. С 1960 г. в НИИ-1011 (ныне РФЯЦ – ВНИИТФ им. акад. Е.И. Забабахина, Снежинск):

инженер, старший инженер, рук. группы, нач. лаборатории. Под его руководством разработан ряд приборов и устройств автоматики управления и контроля, используемых при испытании ядерных зарядов. Неоднократно участвовал в экспериментах по проведению таких испытаний на Семипалатинском и Новоземельском полигонах [4].

Андрей Михайлович сохранил навсегда трепетное и нежное отношение к отцу. Он никогда не использует слово «отец», только «папа». Жизнь в закрытом городе и обстановка секретности наложили отпечаток на мироощущения А.М. Белавина. При въезде в его город, на дороге нет указателя с названием, просто – «город». Ему было запрещено, как и всем, называть город, в котором он живет. Когда он привозил друзьям какие-нибудь вкусности, которых в нормальных городах не было (у них было особое снабжение), на вопрос «откуда?», он должен был что-то вразумительное придумывать.

А. Белавин, поступив в Пермский государственный университет, год учился на вечернем отделении и на археологическую практику не успел, по этой причине проходил ее в кабинете археологии. Сидел под картиной «Бадер на раскопках стоянки Талицкого», мыл и шифровал огромный мешок с харинской керамикой, собранной на размываемом селище Пеньки. Поэтому его первой темой в археологии стала керамика. В.А. Оборин дал ему тему первой археологической курсовой работы «Изразцы Орла-городка», диплом он защитил на тему «Изразцы Прикамья (Соликамск, Усолье, Орел-городок)». В поле он впервые поехал в 1977 г. – Соликамск и городище Острая Грива под руководством В.А. Оборина. Первый открытый лист он получил в 1980 г., это была разведка в окрестностях Перми. Были открыты Заозерское местонахождение палеофауны, установлена высокая степень разрушения Турбинского могильника, найдена стоянка гаринского времени. Первые самостоятельные раскопки в 1981–1982 гг. – Городищенское городище на Усолке под Соликамском [1; 2]. О других его исследованиях многочисленных и разнообразных памятников Пермского края написаны и еще будут написаны серьезные работы.

По окончании А.М. Белавиным ПГУ, его судьба напоминает мою. Ни ему, ни мне в силу разных обстоятельств не нашлось места в Alma mater. Меня приютил В.Ф. Генинг, создававший тогда свою школу в Свердловске, а А.М. Белавин уже на 5 курсе в 1979 г. организовал Школу юных археологов при Пермском городском Дворце пионеров – клуб «Легенда» (рис. 6). В это время в стране работало несколько подобных объединений школьников: при уфимском, челябинском и ленинградском Дворцах пионеров.

Фактически юные археологи со дня создания ШЮА принимали участие во всех полевых исследованиях ПГПИ и ПГУ. Всего ими исследовано около 70 памятников археологии, некоторые из них неоднократно. Ряд памятников изучались экспедициями, состоявшими исключительно из кружковцев.

Доклады, подготовленные участниками клуба «Легенда», сразу же обратили на себя внимание научной общественности Урала. Учащиеся пермской

ШЮА около 100 раз становились победителями конференций различного уровня, множество раз победителями областных конкурсов научно-исследовательских работ. За 30 лет ее истории через ШЮА прошло более 500 учащихся. Среди выпускников ШЮА сотрудники музеев, педагоги, работники культуры, органов охраны памятников, журналисты. Из числа юных археологов выросли 6 кандидатов и 2 доктора наук, избравших своим образом жизни изучение историко-культурного наследия нашей Родины [3, с. 72–75]. Среди выпускников ШЮА немало людей, связавших всю свою жизнь с археологией и этнографией: Ю. Цыганов – к. и. н., научный сотрудник Коми НЦ УрО РАН, Е.Л. Лычагина – к.и.н., доцент ПГПУ, И.Ю. Сереброва (Трушкова) – д.и.н., этнограф, профессор Кировского государственного университета, Э.Ю. Макаров – ст. научный сотрудник Коми-Пермяцкого краеведческого музея, Е.О. Святова – сотрудник НПЦ по охране памятников Свердловской области и другие [7, с. 38–41].

Поскольку наши экспедиции УдГУ и ПГПУ работали иногда поблизости, случалось и ездить друг к другу в гости. Привожу воспоминания об этих встречах, практически без редакции, научного сотрудника нашего коллектива, к. и. н., доцента Игоря Юрьевича Пастушенко. Не скрою, некоторые обстоятельства, в частности, отстрел лягушек в Пермском крае, мне не были известны.

«А.М. Белавин приезжал к нам на городище Лобач на р. Сылве. Стоял август 1985 г., лето было жаркое – вода прогрелась довольно хорошо. Но особенно сильно она нагрелась в мини-старицах (своего рода больших лужах), которыми изобиловала речная пойма под утесом, на котором располагалось городище, и где стоял наш лагерь. Кому первому взбрело в голову погреться в одной из этих луж, понежиться в черной жирной, возможно, лечебной грязи – неизвестно, но когда мы добрались до купальни, чтобы освежиться после работы, весь лагерь уже сошел с ума и был перемазан черной жижей с головы до пят. Появление каждого новенького – чистенького, вызывало бурный восторг и новую вспышку массового грязевого шабаша. Мы с Андреем не были исключением, 5 минут – и мы уже “негры”. При этом ни у кого это не вызывало негатива, всем было весело и прикольно, черт с ним, что часа два после этой “бани по-черному” пришлось отмываться, а кое-кому и отстирываться.

Второй казус в этой поездке был связан с одной из скамеек у обеденного стола. Из-под центра доски выпал столбик, ставить его в законный выходной всем было лень, и лавку использовали как качели. При этом лагере звучала зажигательная детская песенка “Чунга-Чанга”. Все раскачивались на скамейке по очереди – задачей было сломать доску. Белавин, Водолаго и Пастушенко также приняли участие в соревновании и также безуспешно. Каково же было разочарование Андрея, когда клятая доска, выдержавшая наш далеко не малый вес, с легкостью треснула и сломалась пополам под натиском трех небольших девчушек. Пал весовой авторитет.

Второй раз Андрей посетил КВАЭ в 1988 г., он приехал вместе с женой Натальей на Верх-Саю, благо сами они работали недалеко – копали могильник Телячий Брод под Чусовым. Все было пристойно, практически без «эксцессов», если не пара маленьких событий. Во-первых, мы решили сходить на Бартымские поселение и могильник. Все бы ничего, но переходили по бревну, с которого Михалыч и рухнул в воду – брызг и волн было достаточно, главное – спасли “фотики”, которые висели на шее у Андрея. А вечером Сергей Роллерович Волков с Любочкой Вологжаниной ходили на “охоту”. В пойме Шаквы они настреляли из пневматического пистолета пару килограмм лягушек. Их-то мы и пожарили, причем всем, кому достался деликатес, очень понравилось. А позднее Андрей с Натальей соблазнили Екатерину Голдину консервированными персиками, которые якобы продавались в Чусовом на каждом шагу. На следующий день в воскресенье и поехали. Как и положено, персиков не нашли, везде в магазинах нам сообщали, что были еще вчера, но археологи уже все скупили... Добрались до лагеря – прекрасная река Усьва, чистейшая вода, не зря на ней стоял один из городских водозаборов. Вот здесь-то Андрей Михалыч и показал ижевчанам, что такое настоящая волна. Пермьки прыгали в воду с понтона, мы тоже купнулись, попытались чуть-чуть покачать этот понтон – безуспешно. Тогда трио – Белавин, Сокол и Эрман (завхозы экспедиции) изобразили “тройную тюмпочку”... Волна билась о берег и качался понтон минут пять... Это было красиво. А затем студенты-пермяки, наслушавшись рассказов о французской кухне, выпросили у Сергуни Волкова пневматический пистолет и тоже занялись охотой на лягушек. Она удалась... Одна проблема – на Сае лагерь стоял далеко от места охоты и высоко над поймой, в силу чего комаров было не так много... А вот у пермяков лагерь стоял прямо у реки в пойме, где и шла охота... Впоследствии ребята нам пару лет пеняли за этот случай – лягушек (а они территориальные животные) перебили так много, что случилась “экологическая катастрофа” местного характера – пермяков стали заедать комары, которых и так было немало, а стало, похоже, еще больше... Ну, а на обратном пути мы чуть не сбили медведя, хорошо, водитель успел затормозить...»

Взаимоотношения наших коллективов несколько осложнились после появления, как говорили злые языки, «антиголдинской книги» «Угры в Предуралье» за авторством А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой и В.А. Иванова. Собственно, ничего антиголдинского я в ней не нашла. Но, считаю, что в средневековье никакого финно-угорского единства уже давно не существовало, Прикамское Приуралье прочно стало финно-пермским. В это время уже известны мордва, мари, черемисы. Почему же пермяне так от них отставали, все еще оставаясь финно-уграми? Меня в большей степени огорчили методические приемы, которые были использованы авторами этой книги. Археология – это наука, а не сказки. Пришлось написать довольно жесткие отзывы.

В связи с этой ситуацией мне вспоминается большой урок, преподанный мне Алексеем Петровичем Смирновым. Зная его полемику с В.Ф. Генингом, ко-

торый пришел в науку позже А.П. Смирнова, и по многим сюжетам с ним дискутировал, иногда в весьма грубоватой форме, мне казалось, что они должны не только не разговаривать друг с другом, но и не здороваться. Однако когда я завершила свою кандидатскую диссертацию «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье», и встал вопрос об оппонентах, В.Ф. Генинг сказал, что считает целесообразным пригласить в качестве ведущего оппонента Алексея Петровича. Мне казалось, что это преднамеренное убийство моей работы. Более того, В.Ф. Генинг предложил мне самой попросить А.М. Смирнова об этом. Я, скрепя сердце и с уверенностью в отказе, написала А.П. Смирнову. К моему удивлению, он ответил очень быстро и согласился. Я была уверена, что уж на защите он покажет мне, «где раки зимуют». Настал день защиты – 17 октября 1970 г. Защита прошла в роскошном зале Ленинградского отделения Института археологии, напротив Петропавловской крепости. Алексей Петрович строго придерживался официального отзыва, полученного мной заранее, и никаких неожиданностей не произошло. Все было гладко и успешно. Когда же мы шли по Невскому проспекту в какое-то кафе и сидели там, отмечая мою защиту, я с удивлением наблюдала, как общались Алексей Петрович и Владимир Федорович. Оба очень красивые люди, шутили, подкалывали друг друга, посмеивались над моими страхами и заиканиями, рассказывали анекдоты, в общем, никто и подумать не мог, что эти люди ведут весьма нелицеприятные споры в научной литературе. Алексей Петрович покорила меня совершенно: высокий, в черном кожаном пальто, в черной шляпе с широкими полями, с очень характерным горбоносим лицом был похож на Мефистофеля. С той поры мои симпатии к В.Ф. Генингу заметно поубавились, и я стала более критично оценивать его сентенции по поводу мнений А.П. Смирнова. Во всяком случае, я вынесла из этой ситуации важную для себя мысль – настоящий ученый не должен переносить свои научные симпатии и антипатии на личные взаимоотношения. Хотя и не нравятся гипотезы другого, они не должны стать препятствием для дружеских отношений друг с другом.

Андрей Михайлович Белавин – очень симпатичный мне человек, высокий, красивый, с голубыми глазами и волнистыми рыжими волосами – настоящий русский богатырь. Его внешний облик, безусловно, помогает его жизненным успехам. Хотя считаю, что в нем, как и во всех нас, намешано немало иной крови. То, что среди его предков, бесспорно, были удмурты, можно доказать вполне научно, без всякой экспертизы. Дело в том, что северные удмурты отличаются от других соседних этнических групп, даже пермяков, необычайно высоким процентом рыжеволосости (от 7,3 до 21,1 %!). Кроме того, у рыжеволосых удмуртов отмечается небольшой сдвиг в сторону посветления глаз и некоторой волнистости волос [6, с. 94–107]. Его родство с удмуртским этносом вполне допустимо, поскольку его предки в свое время жили в г. Глазове, но, к сожалению, об этом пока мне не удалось ничего разыскать.

По моему мнению, Андрей Михайлович Белавин, достигший столь высоких постов в приуральской археологической элите: основатель и руководитель научной школы археологов Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, проректор по научной работе и внешним связям этого университета, зав. отделом истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, доктор исторических наук, профессор – заслуживает всяческого уважения и обожания.

Благодарность. Выражаю сердечную признательность моим информаторам: Карушеву Владимиру Николаевичу – сыну Николая Васильевича Карушева; Игорю Юрьевичу Пастушенко, доценту, к. и. н., ст. научному сотруднику УдГУ; Макарову Леониду Дмитриевичу, д. и. н., доценту УдГУ; Шапран Ирине Григорьевне, к. и. н., доценту УдГУ; а также Емельяновой Александре Юрьевне – магистранту УдГУ за техническое оформление статьи.

Библиографический список

1. Белавин А.М. Работы Пермского Дворца пионеров // Археологические открытия (АО) 1981 г. – М.: Наука, 1983. – С. 246–246.
2. Белавин А.М. Городищенское городище на р. Усолке // Приуралье в древности и средние века. – Устинов: Изд-во Удм. ун-та, 1986. – С. 130–142.
3. Белавин А.М., Рубцов А.В. Организация исследовательской работы с одаренными детьми на основе научного объединения учащихся // Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 2. – С. 72–75.
4. Белавин Михаил Васильевич [электронный ресурс] // Энциклопедия Челябинской области. – URL: <http://chel-portal.ru/?site=encyclopedia&t=Belavin&id=1261> (дата обращения: 07.05.2018).
5. Голдина Р.Д. Большая Соснова – большая любовь: научно-популярное издание. – Ижевск, 2014. – 320 с.
6. Дубов А.И. Антропологическая характеристика северных и центральных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов: сб. науч. трудов / отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. – С. 94–107.
7. Рубцов А.В. История создания и деятельность школы юных археологов при Пермском городском Дворце пионеров // Материалы XXXIX Урало-Поволжской студенческой археологической конференции (Пермь, ПГПУ, 31 января – 4 февраля 2007 г.). – Пермь: ПГПУ, 2007. – С. 38–41.

Рис. 1. Семья Карушевых – друзей родителей Р.Д. Голдиной: Нина Владимировна (Косолапова) – тетя А.М. Белавина, Володя, Лариса, Николай Васильевич. 1963 г.

Рис. 2. Романовская (Косолапова) Вера Владимировна – тетя А.М. Белавина по материнской линии. 1960-е гг.

Рис. 3. Косолаповы Владимир Васильевич и Серафима Петровна – дедушка и бабушка А.М. Белавина по материнской линии. 1930 г.

Рис. 4. Родители Андрея Белавина: Михаил Васильевич и Валентина Владимировна (Косолапова). Начало 1960-х гг.

Рис. 5. Малыш Андрюша Белавин. 1962 г.

Рис. 6. Андрей Михайлович Белавин. XIII Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Февраль 1981 г., Казань.